

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2018.2.12

Историческая устойчивость локальных культур: факторный анализ

А. Я. ФЛИЕР

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМ. Д. С. ЛИХАЧЕВА

В статье анализируются и систематизируются основные факторы, обеспечивающие историческую устойчивость локальной культуры и ее воспроизводство из поколения в поколение. Новизна статьи заключается в том, что в науке еще не делась попытка провести системный факторный анализ культурной устойчивости как исторической тенденции. Актуальность работы обусловлена тем, что культурная устойчивость обычно в науке сводится только к исполнению традиций, а здесь она рассматривается в гораздо более широком аспекте.

Понимание культурной устойчивости в ее факторном анализе сводится к трем основным началам: 1) традиции, представляющей собой тип деятельности, основанной на повторении знакомых технологий и производящей продукцию с уже привычными формами, но отчасти адаптивной к меняющимся внешним условиям; 2) деятельности личностей, модальных традиционной культуре, акцентирующих в своей социальной активности коллективное начало во всякой деятельности и в своей индивидуальной самоидентификации обладающих «коллективным лицом»; 3) мифологии локальной культурной самобытности, сакрализующей ситуативное своеобразие композиции используемых в культуре оригинальных и тривиальных форм и создающей миф о национальной самобытности данной локальной культуры.

В заключении проводится мысль о том, что культурная устойчивость, межпоколенно воспроизводящая локальную культуру, неотделима от культурной изменчивости, несущей в себе адаптивное начало данной культуры.

Ключевые слова: локальная культура; историческая устойчивость; культурная традиция; модальная личность; традиционная культура; культурная самобытность; факторный анализ

ВВЕДЕНИЕ

Культурная устойчивость является режимом существования культуры, при котором:

— осуществляется повторение производственных технологий и форм производимых продуктов/результатов, проверенных на практике и доказавших свою эффективность;

— транслируется и воспроизводится из поколения в поколение технологический и формальный повтор в деятельности;

- утверждается идеология необходимости в любой деятельности повторять практику отцов и дедов, обретающую сакральную символизацию;
- исторически воспроизводится сама локальная культура как самодостаточный феномен;
- формируется психология человека, нацеленная на повтор и воспроизводство традиции в любой деятельности;
- формируется мифология локальной культурной самобытности, абсолютизирующая значимость исторических форм, которые были выработаны веками такой повторяемой деятельности.

Первые четыре пункта из приведенного перечня можно объединить в понятие «традиция» или «традиционная деятельность», представляющее основу всякой культурной устойчивости (см. об этом, напр.: Маркарян, 1982, а также работы других авторов). Прочие факторы играют сопутствующую роль, но их воздействие также критически важно.

Нужно заметить, что тенденция *культурной устойчивости* всегда сопровождается и тенденцией *культурной изменчивости*, т. е. преодолением традиции и разработкой или заимствованием новой, более совершенной технологии производства чего-либо или новых форм, своей престижностью более соответствующих изменившимся условиям. Даже в первобытную эпоху имело место постепенное совершенствование каменных индустрий (иначе бы мы до сих пор пользовались кремневыми рубилами), затем приемов добывания пищи (переход от собирательства и охоты к земледелию и животноводству), затем к металлу, к новым типам поселений (города) и социальной организации (государства) и т. п. Просто поначалу этот процесс развивался очень медленно, и от одной индустрии обработки камня до появления другой проходили десятки тысячелетий. Потом этот процесс начал убыстряться и дошел до современных темпов научно-технического прогресса. Но тенденция культурной устойчивости, хотя и отступила на второй план перед технологическим прогрессом, тем не менее не отмерла, а продолжает существовать, адаптируясь к новым условиям. В ином случае не было бы никакого исторического воспроизводства локальных культур; а оно есть, и мы видим это своими глазами.

Таким образом, культурная устойчивость осуществляется посредством:

- исполнения традиции (технологического и формального повтора в любой деятельности, его исторического воспроизводства и обслуживающей это идеологии);
- формирования личностей, модальных культурной традиционности;
- сложения мифологии локальной культурной самобытности.

Рассмотрим все это по порядку.

ТРАДИЦИЯ

Традиция представляет собой практическую реализацию принципов культурной устойчивости, т. е. технологического и формального повторения в производственной деятельности, обычаях, идеологии, самоорганизации и пр. Такой повтор осуществляется в традиции на основании целого ряда соображений.

В частности:

- экономятся физические и интеллектуальные усилия (повторять всегда проще, чем изобретать новое);
- наличествуют практические навыки и опыт совершения подобных действий;
- исполнителей не нужно обучать новым производственным приемам;

— обычно традиции сопутствует хорошо разработанная идеология, либо сакрализирующая этот повтор (так поступали боги, духи, сакральные герои и т. п.), либо мифологизирующая опыт отцов и дедов как единственно правильный и достойный подражания и пр.

Было бы неверным полагать, что в традиции постоянно осуществляется точный повтор образца без какой-либо импровизации. Конечно, ситуативная импровизация в традиции случается так же, как и некоторое развитие (хотя бы адаптивное по отношению к меняющейся внешней ситуации) (Маркарян, 1982). Но оно протекает очень медленно, так же как и в первобытную эпоху.

Феномен традиционной культуры уже хорошо изучен наукой, и я не буду повторять уже написанное (см., напр.: де Бенуа, 2008; Генон, 2000; Маркарян, 1982; Полонская, 2006 и др.). Мне тоже приходилось писать о традиции и высказывать мнение, что приверженцами традиционной культуры в наши дни являются в основном люди, отличающиеся низкой социальной конкурентоспособностью (см.: Флиер, 2010: Электронный ресурс). Конечно, это нельзя абсолютизировать и тем более распространять на всю историю культуры. Социальная конкуренция серьезно обострилась в последние десятилетия, и традиционная культура сейчас стала площадкой концентрации людей с пониженной конкурентоспособностью, средством их психологической защиты. Что будет дальше, гадать не стоит.

В социальном укреплении традиции особую роль играет идеология, провозглашающая прошлое единственно достойным примером для подражания и призывающая современников равняться на предков и повторять их деяния (см. об этом, напр.: Захаров, 2004). Конечно, эта идеология торжествовала в основном в первобытную и аграрную эпохи, но и сейчас среди определенных слоев населения она продолжает оставаться актуальной в форме консерватизма.

При осмыслении феномена традиционной культуры нужно все время учитывать, что идеологическая значимость воспроизводства сакральных образцов деятельности, соответствующая принятому обычаю, обряду, ритуалу, для сознания ориентированного на традиционность человека всегда была выше утилитарной эффективности этой деятельности. Человек первобытной эпохи, как показывают исследования, полагал, что, следуя традиции, он мистически воспроизводит действия первопредка, отца-демиурга, сотворяющего мир, или имитирует действия мистических героев, спасающих мир в какой-то ситуации (см. об этом: Франкфорт и др., 1984). Человек аграрной эпохи следовал традиции главным образом потому, что она для него являлась основным идентификатором принадлежности к определенному народу и конкретной поселенческой общине. По тому, к какой традиции принадлежал человек и как он выполнял ту или иную деятельность, можно было судить, является ли он «своим» или «чужим». В условиях полной безграмотности социальных низов и отсутствия каких-либо научных знаний локальная традиция, к которой человек принадлежал, являлась (наряду с языком и отчасти религией) главным индикатором его этнической принадлежности и определения места, откуда он родом (Сурова, 2010: Электронный ресурс).

Сейчас ситуация с идентификационными функциями традиции усложнилась. Особенность нашего времени заключается в том, что разные социальные слои и группы (а тем более малые национальные группы) идеологически живут в разном времени. Это в различной мере характерно для разных стран, но для современной России, с ее множеством народов, находящихся на разных уровнях развития, и даже неодно-

родной модернизированнойностью тех или иных групп самого русского народа, это очень актуально. Идеологическая фрагментированность сознания современного российского населения очень высока. И, конечно, среди этого населения очень велика доля приверженцев традиционализма, если не практического, то на уровне идеологии (в лаптях уже не ходят, но мыслят категориями традиционного крестьянства даже в городах). Идентификация людей по исполняемой ими традиции сейчас уже очень сложна.

Не следует забывать и о том, что традиционалистская ориентация сознания людей может проявляться не в явном виде повторения в новой продукции форм культуры прошлого, а в особой заботе о сохранении и экспонировании культурных артефактов истории. Мне кажется, что в современных условиях быстрой модернизации всех сфер жизни это наилучший способ проявления традиционализма.

Так или иначе, но традиция является базой культурной устойчивости, исторического воспроизводства культуры и идеологически обусловленного повторения прошлого. Не будем сейчас включаться в дискуссию о том, является ли традиция самостоятельной основой культуры (это точка зрения антропологов) или основой культуры является конструктивный баланс традиции с культурной новацией (это точка зрения социологов, которую разделяю и я). Констатируем лишь то, что традиция, несомненно, является основой культурной устойчивости и исторического воспроизводства культуры, и в этой функции ее ничто не замещает и даже не дублирует.

МОДАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Модальная личность традиционной культуры (или тренда культурной устойчивости) представляет собой личность, психологически ориентированную на воспроизводство прошлого как лучшей модели будущего. Конечно, все это имеет не примитивный характер. Современные традиционалисты готовы пожертвовать архаическими формами во имя сохранения исторических принципов жизнеустройства. Только убежденные фундаменталисты борются за неприкосновенность старых форм.

Психологическую типологию апологетов разных социальных культур в свое время выстраивала А. В. Костина (см., напр.: Костина, 2009). Эта типология (в моем упрощенном пересказе) заключается в том, что апологеты традиционной (народной) культуры — это люди с «коллективным лицом», олицетворяющие собой деревенскую общину и мыслящие категорией «я — это мы — община, объединенная устойчивыми интересами и поведенческими нормами». Апологеты элитарной культуры — это люди с индивидуальным лицом, представляющие только себя и мыслящие категорией «я — это автономная личность». Ну и, наконец, апологеты массовой культуры — это люди со «стертыми» чертами индивидуальности и мыслящие категорией «я — это мы — случайная толпа, объединенная сиюминутным интересом». Эта типология представляется мне интересной, а характеристика апологета традиционной культуры принимается мной как научно-операциональная.

Подобные социально обусловленные психологические черты обретаются человеком в процессе его социализации и инкультурации. В свое время я писал, что «социализация — это процесс:

— введения индивида в систему социального функционирования общества и разделения труда в нем;

— ознакомления его с нормами политической лояльности существующему порядку и социальной адекватности человека как члена данного социума;

— введения его в систему разделения и исполнения разнообразных (по ситуации) социальных ролей;

— обучения его кодам и языкам социальной коммуникации, принятым технологиям социальных взаимодействий и т. п.» (Флиер, 2011: 185–186).

Социализация трактуется мною как процесс ориентирования человека:

— в совокупности общих социальных и культурных условий его практической жизнедеятельности (в условиях среды);

— в тех наиболее вероятных социальных ролях, которые будут доступны ему в данных условиях (в определении своего места в этой среде);

— в способах исполнения этих ролей в имеющихся условиях (в системе принятых в этой среде социальных практик, их технологиях и методологиях) (там же).

Инкультурацию я определил как процесс обретения человеком общей культурной компетентности по отношению к установлениям и нормам того общества, в котором он живет. Сюда входит:

— освоение систем ценностных ориентаций и предпочтений, принятых в обществе;

— освоение этикетных норм поведения в разных жизненных ситуациях;

— освоение более или менее общепринятых интерпретативных подходов к различным явлениям и событиям;

— обретение определенных познаний в области национальных и сословных традиций, господствующей морали, нравственности, в мировоззрении, обычаях, обрядах;

— обретение обыденной эрудиции в социальных и гуманитарных знаниях, распространенных в данном обществе, и т. п. (там же).

Таким образом, инкультурация названа процессом ориентирования человека:

— в доминирующих гуманитарно-ценностных предпочтениях и нормах жизнедеятельности, актуальных в этнической, политической, социальной, профессиональной и историко-культурной среде его проживания;

— допустимых формах и содержаниях собственных культурных манифестаций в этой среде;

— предпочитаемых интерпретациях наблюдаемых явлений и событий, соответствующих местным традициям и ментальностям (там же).

Это напоминание о написанном ранее понадобилось мне для того, чтобы читателю стало понятно, что психологические особенности апологета любой социальной культуры привносятся в его сознание извне, в процессе его социализации и инкультурации: в традиционной культуре преимущественно домашним воспитанием, в элитарной культуре в основном образованием, а в массовой культуре, как правило, текущими социальными контактами. Социализация и инкультурация обычно воспроизводят взгляды той социальной среды, в которой они протекают. Конечно, во все времена имела место и адаптация человека к новой культурной среде, в которую он попадал. Но у разных людей она протекала в разном темпе и с разной глубиной; а иногда осуществлялась в течение жизни нескольких поколений.

Так или иначе, но в разные эпохи наблюдалась различная социокультурная ориентированность людей, модальных для своей эпохи. Это тоже исследовалось мною, и я пришел к выводу:

— В *первобытную эпоху* был востребован человек *интегрированный*, индифферентный к проблеме истины, а в своей социальной самореализации полностью включенный в структуру рода, зависящий от него и проявляющий активность в основном на этой площадке.

— В *аграрную эпоху* был востребован человек лояльный, воспринимающий истину только через призму господствующей идеологии, от которой он полностью зависел, и социально реализующийся преимущественно в границах вида занятий, традиционных для его семьи или социальной группы.

— В *индустриальную эпоху* был востребован человек *рациональный*, формально независимый от какой-либо идеологии и социальной структуры, ищущий истину самостоятельно и выбирающий площадку социальной самореализации по признакам своих личных интересов (Флиер, 2018: 40–41).

Конечно, личность, модальная для традиционной культуры, психологически ближе к образцам первобытной и аграрной эпох, хотя и прекрасно вписывается в условия жизни индустриальной эпохи. Именно такими личностями в первую очередь обеспечивается устойчивость локальной культуры и ее воспроизводство из поколения в поколение.

МИФОЛОГИЯ ЛОКАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Эмпирически локальное культурное своеобразие наблюдается и описывается. Почему же я называю его мифологией? Дело в том, что наблюдаемое и описываемое культурное своеобразие обычно понимается как *национальное* и интерпретируется в соответствующем ключе на потребу той или иной идеологии (как правило, националистической). Осуществляется подмена наблюдаемых культурных фактов их идеологически ангажированными интерпретациями, искажающими действительность. Такая подмена осуществляется в нескольких ракурсах.

Во-первых, традиционно принято считать, что локальным своеобразием обладают культурные формы. Но формы не отличаются свойством локальной устойчивости и национально индифферентны. Они постоянно меняются под влиянием внешних причин и ни к какой локальной культуре не привязаны. Фактически нет ни одной культурной формы, специфичной только для одного народа. Любая форма сама по себе встречается в культурах разных народов. Я обнаружил это давно, занимаясь проблемой локальности архитектурных форм (Флиер, 1992). Специфична только их композиция. Вот сочетание разных культурных форм в каждой локальной культуре и тот смысловой образ, который создается этим сочетанием, действительно уникальны и отличаются своеобразием в каждой локальной культуре. Но это никак не своеобразие самих форм.

Во-вторых, это композиционное своеобразие трудно назвать национальным (если по отечественной традиции понимать национальное как синоним этнического). Реально оно многоаспектное и включает в себя как этническую, так и социальную, политическую, конфессиональную и иные составляющие, влияющие на складывающуюся композицию. Роль собственно этнической (или этнокультурной) составляющей в этом сочетании, как правило, невысока и обычно уступает значимости политической и конфессиональной компонент. Впрочем, приоритет той или иной компоненты в культуре в разные эпохи менялся.

Другое дело, что в определенные моменты истории черты такого своеобразия начинают искусственно акцентироваться и воспроизводиться политической властью (вспомним для примера русскую культуру от Николая I до Николая II). Но при этом заказчики такой практики не отличаются большой гуманитарной эрудированностью и не понимают, что акцентируются и воспроизводятся преимущественно исторические черты той или иной избранной в качестве образца эпохи. А провозглашаемое на-

циональное своеобразие этих черт остается идеологической мифологемой (подробнее об этом см.: Флиер, 2017).

В-третьих, никакого своеобразия, оторванного от контекста, не бывает. Можно говорить о культурном своеобразии одного народа только в сравнении с каким-то другим. А вот здесь уже многое зависит от выбора объекта сравнения. Например, японская культура очень самобытна в сравнении с русской, а вот в сравнении с корейской культурой уровень ее своеобразия гораздо ниже. Точно так же русская культура высоко самобытна в сравнении с культурами народов католической Западной Европы, а вот в сравнении с культурой православной Византии ее своеобразие заметно сокращается. Так что тут имеется широкое поле для недобросовестных сравнений и, соответственно, для какой угодно мифологии по этому поводу.

В-четвертых, в разные эпохи народы отличались разным культурным своеобразием. В первобытную эпоху их культуры были типологически единообразны и различались своей адаптированностью к разным ландшафтно-климатическим условиям. В аграрную эпоху народы одного уровня развития, пожалуй, сильнее всего различались локальными культурными чертами, но идеологически в то время это было совершенно не актуально (рядом с их политическим или конфессиональным единством). В индустриальную эпоху, наоборот, уровень культурных различий между народами одной стадии развития несколько снизился, зато радикально повысилась значимость националистической идеологии, достигшая апогея примерно в XIX в. (см. об этом: Малахов, 2004). На самом деле нацизм, по моему мнению, — это типичная идеология XIX в. (вспомним поведение европейских колонизаторов в Африке), только по исторической случайности реализовавшаяся в Европе лишь в первой трети XX в. В течение второй половины XX в. уровень национального культурного своеобразия среди индустриально развитых народов еще больше опустился.

В-пятых, любой постпервобытный этнос социально неоднороден, и культура разных социальных слоев отличается разным своеобразием. Например, в XIX в. в России аристократическая культура и городская культура Санкт-Петербурга не очень различались с культурой Европы. А вот культура русских крестьян, напротив, была несравнима с европейской и больше тяготела к формам сельской культуры древних славян. Культура основной части населения провинциальных городов России занимала промежуточное положение между этими двумя. Так какая из этих культур может служить образцом русского национального своеобразия? Культура Пушкина или его няни Арины Родионовны?

Обобщая, нужно отметить, что своеобразие черт всякой исторической локальной культуры — это явление необычайно сложное и многоаспектное. Хотя его исследовали много раз, но удовлетворительного системного анализа этого явления я еще не встречал. Возможно, должная системность требует контекстуального анализа, при котором локальное своеобразие будет исследоваться в контексте культурного многообразия всего человечества и интерпретироваться в этом масштабе.

Я полагаю, что культурное многообразие является обязательным условием существования человечества, создающим необходимый адаптационный резерв приспособления к меняющимся природным и историческим условиям. Просто режим этого многообразия эволюционирует. В прошлом были высокими культурные различия между народами одного уровня социального развития. В Новое время приоритет получило увеличение культурного разрыва между народами, находящимися на разных стадиях развития. Ну что ж? И такой режим поддержания культурного многообразия челове-

чества возможен. Главное, чтобы обилие разных культурных форм и их композиций устойчиво поддерживалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурная устойчивость и культурная изменчивость сосуществуют в режиме определенного баланса, обеспечивающего культурное многообразие человечества в целом. Он тоже меняется; в прошлом преимущественно доминировала устойчивость, по ходу истории ее догнала, а потом и стала приоритетной изменчивость. Но некий баланс между обеими тенденциями необходим для существования культуры. Это условие ее социальной функциональности.

Тенденция культурной устойчивости, с одной стороны, противостоит тенденции культурной изменчивости, а с другой — не может нормально функционировать без нее. Чрезмерное преобладание устойчивости ведет к культурному застою, окостенению культуры, прекращению ее развития, а чрезмерное преобладание изменчивости ведет к разрушению культуры как системы. Обе тенденции должны уравновешивать друг друга.

При этом стоит помнить, что и культурная изменчивость порой преследует цель сохранения устойчивости традиционных культурных содержаний посредством обновления устаревших внешних форм их выражения. И наоборот, устойчивость традиционных форм иногда провоцирует обновление их содержания (его новую интерпретацию). Так что баланс культурной устойчивости и изменчивости очень сложен и глубок, чем и обеспечивается функциональная универсальность культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенуа, А. де (2008) Определение традиции // Полюс (альманах). № 1. С. 3–4.
- Генон, Р. (2000) Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука. 320 с.
- Захаров, А. В. (2004) Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. № 7. С. 105–115.
- Костина, А. В. (2009) Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М.: УРСС. 216 с.
- Малахов, В. С. (2004) Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом «Университет». 320 с.
- Маркарян, Э. С. (1982) Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. № 2. С. 78–96.
- Полонская, И. Н. (2006) Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та. 272 с.
- Сурова, Е. Э. (2010) Идентификационный принцип в культуре [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. № 1. URL: <http://www.culturalresearch.ru/gu/archives/62-politics-of-ident> (дата обращения: 28.11.2017).
- Флиер, А. Я. (1992) Древнейшие аспекты локальности архитектурных форм // Архитектурное наследие. № 39. С. 198–207.
- Флиер, А. Я. (2010) Будущее возврату не подлежит (о перспективах развития традиционной культуры) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. № 1. URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2 (дата обращения: 03.02.2018).
- Флиер, А. Я. (2011) Культурология в образовании и ее возможности по социализации и инкультурации личности // На пути к культурной парадигме современного образования. СПб.: СПбГУП. (Ученые записки. Вып. 1). С. 185–186.
- Флиер, А. Я. (2017) Параметры своеобразия национального культурного наследия // Вопросы культурологии. № 10. С. 36–44.

Флиер, А. Я. (2018) Религиозные и художественные образы как воплощение эталонных культурных норм // Вестник культуры и искусств. №1 (53). С. 35–42.

Франкфорт, Г., Франкфорт, Г. А., Уилсон, Дж., Якобсен, Т. (1984) В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М. : Наука. 236 с.

Дата поступления: 12.02.2018 г.

HISTORICAL STABILITY OF LOCAL CULTURES: A FACTOR ANALYSIS

A. YA. FLIER

RUSSIAN SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL
AND NATURAL HERITAGE NAMED AFTER D. LIKHACHEV

The article analyses and systematises the main factors that ensure the historical stability of a local culture and its reproduction from generation to generation. The novelty of the article is that in science there has not yet been an attempt to conduct a systematic factor analysis of cultural stability as a historical trend. The relevance of the article is that in science, cultural stability is usually reduced only to the fulfillment of traditions, and here it is considered on a much broader scale.

Understanding cultural stability in its factor analysis is reduced to three basic principles: 1) the tradition that is a type of activity based on the repetition of familiar technologies and creating products, with already familiar forms, but partly adaptive to changing external conditions; 2) the activities of individuals, modal to the traditional culture, accentuating in their social activity the collective principle in all activities and in their individual self-identification, having a «collective aspect»; 3) the mythology of the local cultural identity, sacralising the situational originality of the composition of the original and trivial forms used in culture and creating the myth of the national identity of this local culture.

The conclusion holds the idea that cultural stability, reproducing the local culture through generations, is not separable from cultural variability, which contains the adaptive beginning of this culture.

Keywords: local culture; historical stability; cultural tradition; modal personality; traditional culture; cultural identity; factor analysis

REFERENCES

Benua, A. de (2008) *Opređenje traditsii. Polius (almanac)*, no. 1, pp. 3–4. (In Russ.).

Genon, R. (2000) *Ocherki o traditsii i metafizike*. St. Petersburg, Azbuka. 320 p. (In Russ.).

Zakharov, A. V. (2004) *Traditsionnaia kul'tura v sovremennom obshchestve. Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 105–115. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2009) *Natsional'naiia kul'tura — etnicheskaia kul'tura — massovaia kul'tura: «Balans interesov» v sovremennom obshchestve*. Moscow, URSS. 216 p. (In Russ.).

Malakhov, V. S. (2004) *Natsionalizm kak politicheskaia ideologiia*. Moscow, Knizhnyi dom «Universitet». 320 p. (In Russ.).

Markarian, E. S. (1982) *Uzlovye problemy teorii kul'turnoi traditsii. Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 78–96. (In Russ.).

Polonskaia, I. N. (2006) *Traditsiia: ot sakral'nykh osnovanii k sovremennosti*. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rost. un-ta. 272 p. (In Russ.).

Surova, E. E. (2010) *Identifikatsionnyi printsip v kul'ture. Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury*, no. 1 [online] Available at: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/62-politics-of-ident> (access date: 28.11.2017). (In Russ.).

Flier, A. Ia. (1992) *Drevneishie aspekty lokal'nosti arkhitekturnykh form. Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 39, pp. 198–207. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2010) *Budushchee vozvratu ne podlezhit (o perspektivakh razvitiia traditsionnoi kul'tury). Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 1 [online] Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2 (access date: 03.02.2018). (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2011) Kul'turologiia v obrazovanii i ee vozmozhnosti po sotsializatsii i inkul'turatsii lichnosti. In: *Na puti k kul'turnoi paradigme sovremennogo obrazovaniia*. St. Petersburg, SPbGUP. (Uchenye zapiski. Vol. 1). Pp. 185–186. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2017) Parametry svoeobraziia natsional'nogo kul'turnogo naslediiia. *Voprosy kul'turologii*, no. 10, pp. 36–44. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2018) Religioznye i khudozhestvennye obrazy kak voploshchenie etalonnnykh kul'turnykh norm. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, no. 1 (53), pp. 35–42. (In Russ.).

Frankfort, G., Frankfort, G. A., Uilson, Dzh. and Iakobsen, T. (1984) *V preddverii filosofii. Duhovnyye iskaniiia drevnego cheloveka*. Moscow, Nauka. 236 p. (In Russ.).

Submission date: 12.02.2018.

Флиер Андрей Яковлевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2. Тел.: +7 (495) 686-13-19. Эл. адрес: andrey.flier@yandex.ru

Flier Andrey Yakovlevich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev. Postal address: 2, Kosmonavtov St., Moscow, Russian Federation, 129366. Tel.: +7 (495) 686-13-19. E-mail: andrey.flier@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2018.2.13

Детско-юношеские общественные движения и отечественная детская периодика как факторы ценностного самоопределения личности

Ю. А. ГОЛОВИН, О. Е. КОХАНАЯ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Авторы рассматривают историю развития детско-юношеского общественного движения в России во взаимосвязи с развитием отечественной детской периодики, которая выступала фактором воспитания, формирования ценностей участников движений.

Прообразом первых детско-юношеских общественных организаций стало скаутское движение, появившееся в Великобритании в начале XX в. Идеи Р. Баден-Пауэлла нашли последователей и в России. Главной отличительной чертой российского скаутинга явилась военно-патриотическая направленность. Анализируя ситуацию быстрого распространения скаутского движения в России, авторы приходят к выводу, что это стало возможным благодаря созданию эффективной модели функционирования скаутских СМИ. На основании исследования дореволюционных отечественных средств массовой информации для детей и юношества авторы доказывают, что пионерские СМИ, созданные в первые годы советской власти, были организованы и функционировали по той же модели, только с другой идеологической наполненностью. При этом доминирующим вектором и в новой политической системе координат осталось патриотическое воспитание молодого поколения.

Следующим этапом стала деятельность СМИ «допионерского периода», система функционирования пионерской организации в жизни детей в СССР (1920–1980-е годы.). Этап отличался совместной деятельностью с комсомольскими организациями в борьбе с бес-